

Проблемы современной лингвистики

Семиотический взгляд на кросскультурное пространство

Исхакова З.З.,

доктор филологических наук, доцент, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия, prof_zemfira@hotmail.com

Данная статья посвящена эмотивным речеповеденческим кодам в кросскультурном пространстве. Представлена типология эмотивных знаков как эмотивы-образы, эмотивы-индексы и эмотивы-символы. Выявляются универсальные эмотивные коды для разных лингвокультурных сообществ,

Ключевые слова: кросс-культурное пространство, эмотивные коды, эмотивы-образы, эмотивы-индексы, эмотивы-символы.

Для цитаты:

Исхакова З.З. Семиотический взгляд на кросскультурное пространство [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2019. Том 6. №4. С. 109-116. doi: 10.17759/langt.2019060416

For citation:

Iskhakova Z.Z. The organizational model of psychosocial support of substitute families [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst [Language and Text], 2019, vol. 6, no. 4, pp. 109-116. doi: 10.17759/langt.2019060416 (In Russ., abstr. in Engl.)

На важность эмоционального интеллекта обращал внимание американский психолог Дэниел Гоулман. По его мнению, человек, на самом деле, не обладает способами развития своего эмоционального интеллекта, поскольку это некий природный талант [7]. Тем не менее представляется, что он все-таки может научиться декодировать речеповеденческие знаки, имеющие отношение к эмоционально окрашенному поведению. Такое знание обеспечивает построение правильного диалога и позволяет достигнуть ожидаемых целей в процессе коммуникации. Исследования в рамках науки о языке при взаимодействии с другими научными парадигмами могут предоставить этот инструмент дешифрирования эмоционально обусловленного поведения человека в разных лингвокультурных сообществах (в частности, французском и английском сообществах). И это актуально, поскольку современный мир, полный конфликтов на политической и экономической аренах, особенно нуждается в грамотном овладении человеком говорящим универсальными речеповеденческими кодами, позволяющими достигать взаимопонимание между людьми и предугадывать внутреннее состояние друг друга в процессе коммуникации. Порой не рациональное, а эмоциональное мышление или иногда эмоциональное мышление вкупе с рациональным мышлением дают необходимый ожидаемый результат для человека говорящего.

Надо сказать, что проведение междисциплинарного (интегративного) анализа в рамках эмотиологических исследований соответствует новому, интенсивно формирующемуся в настоящее время подходу в структурировании знания в науке о языке. Традиционная лингвистика перестала быть единственной и последней инстанцией

в освещении языковой проблематики. Как в свое время указали В.И. Герасимов и В.В. Петров, «лингвистика не обладает монополией на конструирование общей языковой модели» [2, с. 6]. Популярная в настоящее время идея моделирования языкового пространства посредством инструментов, предоставляемых лингвистике другими сопредельными с ней дисциплинами – семиотикой, культурологией, когнитологией, является «сопряжением парадигм» (С.В. Иванова), ярким примером чего может служить изучение лингвистической категории эмотивности посредством семиотического инструментария. Так, исходной точкой исследования Исхаковой З.З. стало положение о том, что дейктические значения могут широко использоваться не только при моделировании пространства, времени и движения, но и – по их образцу – при моделировании психической сферы человека, включая чувства и восприятия [1]. Такой подход продиктован самой природой человеческого мышления, предполагающей тесную связь рационального мышления с эмоциональным [7].

В свете вышесказанного становится реальной возможность экстраполировать знаковую типологию на языковые репрезентанты эмоциональности, что позволяет сделать вывод о существовании эмотивов-символов, эмотивов-индексов и эмотивов-образов. Следует отметить, что ранее типология знаков как образы, символы и индексы в формализованных знаковых системах была предложена американским ученым Ч.С. Пирсом [5]. Между формой и содержанием знака устанавливаются отношения смежности (фактической или относительной) и относительного сходства. Иными словами, в любом знаке всегда имеют место устойчивые переключатели-коды, которые отвечают за отношение между внешней и внутренней формами знака [6]. Так, эмотивы-символы предполагают относительную смежность, эмотивы-индексы – фактическую смежность и эмотивы-образы – относительное сходство между означающим и означаемым языкового знака [3].

Структуризация поля может быть осуществлена посредством обращения к вариантным типам эмотивного дейктического поля, представленного эмотивно-дейктическими полями *homo sentiens* и *femina sentiens* [3]. При этом в качестве материала анализа привлекаются данные русского, английского и французского языков. Результаты лингвосемиотического анализа аккумулируются в содержании инвариантного эмотивно-указательного поля. Центр неконвенционального эмотивного демонстративного поля как возможного *tertium comparationis* занимают междометия, эмоционально-оценочные прилагательные, интенсификаторы, морфологические средства вербализации эмоций, ассоциативно-эмотивная лексика и эмотивные средства адгерентного типа категоризации эмотивности, выполняющие роль эмотивов-символов и эмотивов-индексов, в том числе и эмотивов-индексов широкого порядка. Одна из выраженных особенностей неконвенционального эмотивного указательного поля состоит в возможности единиц аффективной лексики, междометий, эмоционально-оценочных прилагательных стать значимыми компонентами центральной части неконвенционального дейктического поля в качестве эмотивов-символов. Это обусловлено – прежде всего – семантикой аффективов, сопряжённой с максимальной экспрессивностью, направленной на реализацию речевого эффекта, что, в свою очередь, определяет самодостаточность аффективно-указательной лексики, как в языке, так и в речевой реализации, с позиции эмотивного дейксиса. Такое явление, характерное для репрезентантов аффективов, не наблюдается в конвенциональной категории указания, направленной на пространство и время.

Периферию инвариантного дейктического поля занимают образные эмотивные знаки, коррелирующие с бесспорно конкретным значением в семантике указательной лексики. Однако ряд образных эгоцентрических спецификаторов в неконвенциональном эмотивном дейксисе, например, в английском и французском языках, такие как эпитеты,

антитезы, оксюмороны, функционируют в качестве образно-индикативных знаков. Следовательно, двусторонняя сущность внутреннего содержания данных эмотивных «демонстративов» основана как на семиотическом семантическом коде, который предполагает «семантическое углубление» в знаке, так и, при некоторых условиях, на синтаксическом коде – устойчивой синтаксической связи образных указателей с сопричастствующими лексемами в эмотивном высказывании.

Следует отметить фактор усилительности со стороны конвенционального типа дейксиса на проявление указательности неконвенционально эмотивно-дейктическими единицами. Данное явление наблюдается, например, в номинативных эмотивно-указательных единицах (с местоимением *Я*) или эмотивах-индексах морфологической производности.

Все эмотивные единицы реализуют указательность в рамках конкретной референции, предполагающей конкретную эмоциональную ситуацию, когда язык обращен к действительности, когда значимые единицы языка прилагаются к миру, благодаря чему они могут понятным для адресата образом идентифицировать внутреннее состояние человека эмоционального. Таким образом в процессе референции язык ищет путь к действительности, актуализируясь в речи. В эмоционально-окрашенной речи тесную связь акта референции с говорящим субъектом подразумевает транслирование личностной смыслопорождающей информации эмоциональной природы, которая, в свою очередь, предполагает триединую систему отношений в семантике указательных единиц: эмотивное значение/созначение/обозначение, степень номинации и степень указательности. Механизмы конкретно-личностной референции выходят за пределы собственно языковых конвенций, в том числе и языкового значения эмотивных слов и словосочетаний, и это видится очевидным. Смысловая сущность эмотивно-указательной единицы, также как и любого языкового знака, ничуть не меньше описываемой действительности, ибо языковой знак соответствует «не менее области сознания, если только не более» (П.А. Флоренский). Такое понимание смысла эмотивно-указательной единицы, в соответствии с прагматическим подходом к референции (см. работы Л. Линского, П. Грайса, Дж. Серла), выводит исследователя за пределы семиотических моделей естественного языка, а именно в общее пространство семиосферы, понимаемой как единое культурно-языковое пространство [4]. Поскольку язык выполняет функцию основного вращающегося колеса в пространстве культуры, то видится несправедливым изучение неконвенционального дейксиса только в рамках языковых семиотических моделей с учётом только языковых конвенций.

Согласно лингвокультурологическим исследованиям в русле семиотического подхода, культура, так же как и язык, рассматривается как многоуровневая знаковая система. В таком случае культура и язык выводятся на равнозначный уровень, где в самом широком смысле культура понимается как содержание, а язык – как форма существования данного содержания. Однако люди в значительной мере находятся под влиянием того языка, который является средством общения для данного общества. Принятые нормы употребления слов определяют некоторые культурно обусловленные формы мышления и поведения представителей того или иного социума. Таким образом, язык – это не только система, в которой материализуются модели, с помощью которых происходит контакт общества с миром. Это тот стержень, который собственно организует культурное (смысловое, глубинное) пространство. Отсюда очевидно взаимопроникновение между базисными в лингвокультурологии феноменами культуры и языка, а значит культурного и языкового пространств, соответственно. Взаимоналожение этих пространств формирует единую семиосферу [4]. При этом тексты различных культур, как правило, дешифруются посредством сложной системы кодов.

Согласно высокой взаимопроницаемости культурного и языкового пространств, процесс декодирования указания на эмоциональность и выражения эмоциональности *homo sentiens* и *femina sentiens* может протекать в двустороннем порядке в соответствии с логико-философским принципом от частного к общему или от общего к частному. В первом случае имеется в виду распрямление эмоционального смысла эмотивного знака через многослойное содержание культурного эмоционального кода, состоящего из ряда кодирующих систем, а именно эмотивного кода в широком смысле, представляющего собой систему культурно-эмотивных соответствий, собственно систему самих эмотивных знаков, а также эмотивного кода в узком смысле, репрезентирующего кодирующие комбинации в двуединой сущности эмотивного указателя (между внешней и внутренней формами знака), отвечающего за содержание эмотивного дейктика; его символичность, индикативность или образность. Во втором случае репертуар лингвокультурных кодов в узком смысле (разного рода кодирующие комбинации в структуре знака) кодирует и декодирует указание на выражение эмоциональности говорящего через лингвокультурный эмотивный код в широком смысле, или культурно-эмотивные соответствия, которые, в свою очередь, сопряжены с культурным эмоциональным кодом.

Рассмотрим пример использования эмотивного кода узкого и широкого порядка в эмоционально-окрашенном высказывании: **Shut up** (Br. E. *impolite* an offensive way of telling someone to stop talking (неформаль. обидная форма обращения к кому-либо с просьбой прекратить разговаривать) [9, с.1322]), *Plym! I can't stand any more* [8, с. 267]). В эмотивном символе **shut up** означающее *shut up* связано в соответствии с кодирующей комбинацией – установленной смежности – с означаемым знака, его эмоциональной сущностью, а именно с эмоцией негодования, выраженной адресантом в данном сообщении, что позволяет шифровать двустороннюю сущность знака посредством эмотивного кода в узком смысле S^1/S^2 , где S^1 есть означающее, S^2 – означаемое, а графический символ / указывает на приписанную смежность между содержанием и формой знака. При этом эмотивный код широкого порядка, равно как и одноименный код в узком понимании, есть лингво-культурно-языковое соответствие **shut up**. Однако если эмотивный код в узком понимании транслирует культурную информацию посредством устойчивой связи между содержанием и формой языкового знака, то культурная обусловленность эмотивного кода широкого порядка заключается в допустимости использования данной лексической единицы в эмоциональной речи жительницы страны туманного Альбиона прошлого столетия.

Данная взаимообратная корреляция лингвокультурных и культурного кодов эмоциональной природы позволяет установить национально-культурную специфику вариантного эмотивного дейктического поля. Однако в рамках проведения лингвокультурологического исследования содержания вариантных типов неконвенционального эмотивного дейктического поля необходимо учитывать единую цивилизационную составляющую в культурах рассматриваемых лингвокультурных сообществ.

Смысловое пространство эмотивных дейктических единиц также требует неконвенциональной трактовки. Эмоциональность как смысл эмотивной единицы коррелирует – прежде всего – с абстрактностью значения, понимаемой как *неконвенционально-дейктическое* значение. Конкретность значения как номинативно-интерпретирующее значение, по-видимому, в меньшей степени «справляется» с выражением эмоционального смысла в высказывании. При этом эмоциональность как эгоцентрический смысл эмотивно-дейктической единицы в соответствии с

неконвенциональной разновидностью дейксиса есть одновременно выражение определённых эмоций и указание на эти эмоции говорящим субъектом.

Кодифицирующие комбинации относительного сходства, относительной и фактической смежности представляют собой матричную основу эмотивного лингвокультурного кода. Понимание матричной природы изучаемого поля обуславливает необходимость тесного сотрудничества лингвосемиотики с математической теорией информации, для которой характерно использование понятия кода, а также бинарного принципа исчисления информации. Так, матрица изучаемого поля базируется на бинарных оппозициях абстрактности/конкретности, изначальности/неизначальности, а также конвенциональности/неконвенциональности эмотивно-дейктических значений. Кроме того, в соответствии с понятиями теории информации, несмотря на гетерогенность и гетерофункциональность естественного языка, и во избежание информационного хаоса в размещении эмотивных знаков в дейктическом поле, нацеленного на транслирование информации эмоциональной природы, используется устойчивая типология дейктиков.

Результаты работы могут стать ещё более убедительными при привлечении широкого круга языков. Так, дальнейшей верификации может подлежать идея о структурировании пространства неконвенционального эмотивного дейктического поля как инвариантного поля с выраженными центральной и периферийной частями, включая и его ядерную часть. Что касается последнего, то основными претендентами на расположение в ядре эмотивного указательного поля, по-видимому, представляются эмотивные эгоцентрические спецификаторы как эмотивы-символы с неконвенциональными изначальными дейктическими значениями, например, единицы аффективной лексики, то есть междометия и эмотивные «демонстративы» широкого порядка с неконвенционально-дейктическими значениями как истинные репрезентанты неконвенциональной эмотивной категории указания. Однако это требует дальнейших семиотических изысканий в эмотиологии.

Кроме того, видится перспективным использование теории референции в изучении эмотивно-дейктических значений через призму прагматического фактора, а именно основные типы отношений, определяющие коммуникацию, то есть перекрестные связи между языком, действительностью, ситуацией речи, условиями коммуникации, речевым контекстом, *homo sentiens / femina sentiens* и адресатом. Однако важно не ущемлять и не исключать эмотивные значения из механизмов референции и вместе с тем преувеличивать ту долю, которая принадлежит в акте референции прагматическим факторам. Для того чтобы лучше разобраться в доктринах референции, необходимо соединять их с языком – той данностью, на которой собственно они и формируются.

Хочется отметить, что установление эмотивно-дейктического поля как потенциальной метаязыковой универсалии позволяет провести эмотиологические лингвосемиотические исследования в нескольких лингвокультурах на предмет определения характера культураносной эмоционально-окрашенной информации, транслируемой дейктическими единицами неконвенционально-эмотивной категории указания с точки зрения допустимости/недопустимости эмоционального поведения в данном социуме и в данное время. При этом представляется возможным определение сущности эмотивно-указательного поля с точки зрения типологии эмоционального содержания эмотивных указателей, коннотирующих определённые базовые эмоции человека говорящего в конкретном лингвокультурном сообществе, а именно радость/счастье, удивление/изумление, страх, отвращение/презрение, печаль, гнев/ярость и т.д.

Действительно, человеческие эмоции и их вербализация оставляют ряд нерешённых вопросов перед учёными, несмотря на уже существующие значимые умозаключения для гуманитарного и естественнонаучного знания в работе Ч. Дарвина «Выражение эмоций у человека и животного» (1872 г.). Так, существует оригинальная точка зрения, что внешние состояния человеческого тела являются не результатом, а подлинными источниками внутренних психологических состояний-чувств (см. У. Джеймс). Видится, что установление сущности содержания эмотивного дейксиса, тесно связанного с эмоциональной сферой человека разумного, позволит в некоторой степени решить задачи естественнонаучного свойства в том, что касается мыслительной деятельности человека эмоционального, и, более того, самого устройства человеческого мозга. В этой связи хочется отметить некоторые современные лингвистические воззрения, такие, как язык есть система, изоморфная по своему устройству структуре сознания (мозга), например, знаменательные слова являются коррелятами нейронов, а служебные слова – коррелятами связей между ними (см. докторскую диссертацию Мальцевой Р.И.). Таким образом, установление эмотивно-дейктического поля подводит ученого-лингвиста к важной проблеме естественно-гуманитарного знания, а именно языковой концептуализации физиологических процессов (в этой связи см. работу Г.Е. Крейдлина по невербальной семиотике «Словарь языка русских жестов» (2001 г.).

В целом эмотивные индексы широкого порядка, основанные на синтаксическом построении высказывания, характеризуются выраженной частотностью в разных лингвокультурных сообществах (см. работы Исхаковой З.З.). По-видимому, *homosentiens* не в состоянии контролировать свою речь, что и отражается на синтаксическом оформлении высказывания, имеющего «рваный» характер. Это те знаки, которые можно назвать универсальными эмотивными речеповеденческими кодами, наряду с эмотивами-символами, такими как междометия. Если даже принять во внимание субкультуры, эмоционального мужчину и эмоциональную женщину, в рамках изучаемых лингвокультурных сообществ, то и здесь результаты исследования остаются неизменными. Данные универсальные коды синтаксической природы способствуют стиранию границ между культурными пространствами и образованию уже эмотивного кросскультурного пространства, по крайней мере, там, где касается выражения эмоций и указания на эти эмоции (разумеется, неосознанно) человеком говорящим.

Можно с уверенностью утверждать, что семиотика, и в том числе эмотивная семиотика, занимает центральное место в «семье наук», поскольку без получения, хранения и передачи информации невозможна жизнь человека – ни познание мира, ни организация человеческого общества и его культурно-языкового пространства. Только наука о знаковых системах естественного языка, именуемая лингвистической семиотикой, может дать развёрнутые ответы на вопросы: «Каков механизм передачи эмоциональной информации? Что обеспечивает надежность ее передачи? В каких случаях можно в ней сомневаться?». В свете вышесказанного видится, что лингвистика занимает центральное место среди всех гуманитарных наук, опережая при этом естественнонаучные воззрения в том, что касается конструирования семиотического знания, понимаемого как «люди и знаки».

Литература

1. *Васильев Л.М.* Теоретические проблемы общей лингвистики, славистики, русистики: Сборник избранных статей. Уфа: РИО БашГУ, 2006.

Исхакова З.З.
Семиотический взгляд на кросскультурное
пространство
Язык и текст
2019. Том 6. №4. С. 109-116.

Iskhakova Z.Z.
Semiotic view at cross-cultural sphere
Language and Text
2019. Vol. 6, no. 4, pp. 109-116.

2. Герасимов В.И., Петров В.В. На пути к когнитивной модели языка //Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка. Выпуск 23. М.: Прогресс, 1988. С. 5–11.
3. Исхакова, З.З. Эмотивно-дейктическая константа в семиосфере: монография. М.: Издательство «Флинта», 2014.
4. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. (Человек – Текст – Семиосфера – История). М.: Языки Русской культуры, 1999.
5. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2001.
6. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. Будапешт: ТОО ТК «Петрополис», 1998 .
7. Goleman D. The Emotional Intelligence. Why it Can Matter More than IQ?. Bentam Books, 1997.
8. Johnson P. The Humbler Creation. Penguin Books, 1961. 321 p.
9. Macmillan. English Dictionary for Advanced learners. Macmillan Publishers Limited, 2002. 1692 p.

SEMIOTIC VIEW AT CROSS-CULTURAL SPHERE

Iskhakova Z.Z.,

*Full Ph.D. of Philology, assistant professor, professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia,
prof_zemfira@hotmail.com*

This article is devoted to emotive speech-behavior codes in cross-cultural sphere. The typology of emotive marks is presented as emotive-images, emotive-indices and emotive-symbols. Universal emotive codes for various linguocultural communities are identified

Keywords: cross-cultural sphere, emotive codes, emotive images, emotive indices, emotive-symbols.

References

1. Vasilev L.M. Teoreticheskie problemyi obschey lingvistiki, slavistiki, rusistiki: Sbornik izbrannyih statey. Ufa: RIO BashGU, 2006.
2. Gerasimov V.I., Petrov V.V. Na puti k kognitivnoy modeli yazyika //Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Kognitivnyie aspektyi yazyika. Vyipusk 23. Moscow: Progress, 1988. Pp. 5–11.
3. Ishakova Z.Z. Emotivno-deykticheskaya konstanta v semiosfere: monografiya. Moscow: Izdatelstvo «Flinta», 2014.
4. Lotman Yu.M. Vnutri myislyaschih mirov. (Chelovek – Tekst – Semiosfera – Istoriya). Moscow: Yazyiki Russkoy kulturyi, 1999.
5. Stepanov Yu.S. Konstantyi: slovar russkoy kulturyi. Moscow: Akademicheskiiy Proekt, 2001.
6. Eko U. Otsutstvuyuschaya struktura. Vvedenie v semiologiyu. Budapesht: TOO TK

Исхакова З.З.
Семиотический взгляд на кросскультурное
пространство
Язык и текст
2019. Том 6. №4. С. 109-116.

Iskhakova Z.Z.
Semiotic view at cross-cultural sphere
Language and Text
2019. Vol. 6, no. 4, pp. 109-116.

«Petropolis», 1998 .

7. Goleman D. The Emotional Intelligence. Why it Can Matter More than IQ?. Bentam Books, 1997.
8. Johnson P. The Humbler Creation. Penguin Books, 1961. 321 p.
9. Macmillan. English Dictionary for Advanced learners. Macmillan Publishers Limited, 2002. 1692 p.